

Содержание

Введение	5
Часть I. ПУТИН I ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ	7
Глава 1, в которой Александр Волошин, идеолог Кремля, научился терпеть Ленина	9
Глава 2, в которой политэмигранта Бориса Березовского не позвали на королевскую свадьбу	33
Глава 3, в которой самый богатый человек в России Михаил Ходорковский теряет бизнес и свободу, а Семья исчезает	62
Часть II. ПУТИН II ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ	87
Глава 4, в которой глава кремлевской администрации Дмитрий Медведев создал новое российское сословие	89
Глава 5, в которой глава администрации президента Украины Виктор Медведчук остался последним украинцем, которому верит Путин	105
Глава 6, в которой замглавы президентской администрации Владислав Сурков обороняет осажденный Кремль	121
Глава 7, в которой помощник президента Игорь Шувалов придумывает, как сделать Россию империей	144
Глава 8, в которой вице-премьер Сергей Иванов всерьез поверил в то, что он наследник	158
Часть III. ЦАРЕВИЧ ЛЖЕДМИТРИЙ	181
Глава 9, в которой президенту Грузии Михаилу Саакашвили удастся сохранить не только власть, но и нечто гораздо более ценное	183

Глава 10 , в которой Барак Обама стал лучшим другом и главным врагом Кремля.	207
Глава 11 , в которой вице-премьер Игорь Сечин стал русским Че Геварой.	216
Глава 12 , в которой русская принцесса Татьяна Юмашева придумывает новую демократическую партию	232
Глава 13 , в которой лидер оппозиции Алексей Навальный почувствовал, что может повести народ на Кремль	252
Часть IV. ПУТИН III ГРОЗНЫЙ	279
Глава 14 , в которой патриарх Кирилл стал руководить министрами.	281
Глава 15 , в которой кремлевский идеолог Вячеслав Володин изобрел новую национальную идею	293
Глава 16 , в которой пресс-секретарь Путина Дмитрий Песков понял, что понравиться Западу уже никогда не удастся	310
Глава 17 , в которой министр обороны Сергей Шойгу отомстил за Афганистан и Николая I.	332
Глава 18 , в которой Алексей Кудрин проиграл битву за место в голове президента	358
Глава 19 , в которой Рамзан Кадыров съездил в Дубай и вернулся.	378
Заключение. ПУТИН IV СВЯТОЙ	395
Примечания	405

Введение

Начиная работу над книгой, я думал, что это будет история о том, что произошло с Россией за последние 15 лет, как менялось мироощущение и мировоззрение Владимира Путина и его ближайшего окружения, как все начиналось и к чему это все нас привело. Но оказалось, что участники событий никогда не помнят, что случилось на самом деле. Каждый конструирует воспоминания так, чтобы выглядеть в них пристойно, героически и, главное, чтобы быть всегда правым. За годы работы я проинтервьюировал несколько десятков человек из ближайшего окружения Владимира Путина: сотрудников администрации президента, членов правительства, депутатов Государственной думы, предпринимателей из списка *Forbes* и зарубежных политиков. Почти каждый из них рассказывал свою историю, которая иногда не пересекалась с историями других персонажей. Герои часто забывали факты, путали время и даже не могли вспомнить свои собственные поступки и слова. Как правило, они просили на них не ссылаться. Впрочем, мне удалось опросить такое количество участников, что картина получилась достаточно ясной.

В сухом остатке вышла история о том, как человек случайно стал королем. Поначалу он просто хотел удержаться. Ему стало везти, и он решил, что может стать удачливым борцом и реформатором — королем Львиное Сердце. И захотел войти в историю. Но потом захотел хорошей жизни. И стал королем Великолепным. Потом устал и захотел отдохнуть. Но понял, что уже не может позволить отдых, поскольку он часть истории. Потому что он уже царь Грозный.

Как в нем происходили все эти перемены? Во многом благодаря его окружению, разнородной свите, которая усердно все эти годы играла короля. Ближний круг подхватил его и, манипулируя страхами и желаниями, понес вперед. Туда, где сам он вовсе и не чаял оказаться.

Если восстанавливать события, зная, чем они закончились, история кажется очень логичной. Может даже появиться ощущение, что все с самого начала шло именно к тому, к чему пришло

сейчас, вырисовывается некий изначальный план. Герои задним числом придумывают обоснования собственным действиям. Находят причины, которых не было в действительности, и логику, о которой они прежде даже не подозревали.

Однако эти 15 лет истории России, даже чуть больше, не имеют четкой логики. Цепь событий, которую мне удалось восстановить, обнаруживает отсутствие плана или ясной стратегии у Путина и его окружения. Все, что происходит, — это тактические шаги, оперативное реагирование на внешние раздражители, не ведущие ни к какой конечной цели.

Пристальное разглядывание поступков и мотивов российских политиков в последние 15 лет доказывает, что теория заговора неверна. Если есть малейшее сомнение в том, что именно послужило причиной того или иного события — злой умысел или ошибка, то всегда нужно выбирать второе.

Знали ли российские руководители в 2000 году, к чему они придут через 15 лет правления? Нет. Знали ли они в 2014 году, как встретят 2015-й? Тоже нет.

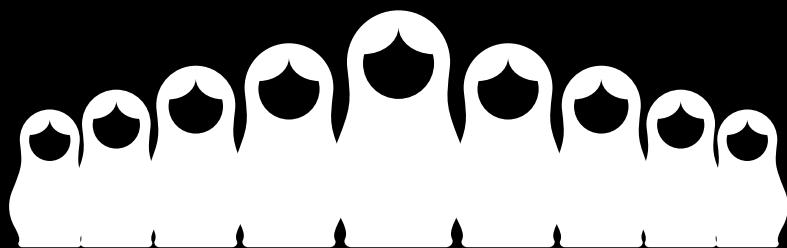
Когда я пишу «руководители» во множественном числе, это вовсе не ошибка. Принято считать, что все решения в России принимает только один человек — Владимир Путин. Это правдиво лишь отчасти. Все решения действительно принимает Путин, но Путин — не один человек. Это огромный коллективный разум. Десятки, даже сотни людей ежедневно угадывают, какие решения должен принять Владимир Путин. Сам Владимир Путин все время угадывает, какие решения он должен принять, чтобы быть популярным, чтобы быть понятным и одобренным огромным коллективным Владимиром Путиным.

Это коллективный Владимир Путин все годы конструировал свои воспоминания, чтобы доказать себе, что он прав. Чтобы убедить себя, что его действия логичны и у него есть план и стратегия, что он не совершал ошибок, а был вынужден так поступить, поскольку боролся с врагами, вел тяжелую и непрерывную войну.

Поэтому моя книга — это история воображаемой войны. Войны, которую нельзя закончить, иначе придется признать, что ее никогда не было.

ЧАСТЬ I

ПУТИН І ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ

Глава 1

В КОТОРОЙ АЛЕКСАНДР ВОЛОШИН, ИДЕОЛОГ КРЕМЛЯ, НАУЧИЛСЯ ТЕРПЕТЬ ЛЕНИНА

Александр Волошин — образцовый капиталист. В его внешности есть что-то от американского Дяди Сэма, каким его рисовали на советских карикатурах: седая бородка, холодный пронзительный взгляд (для полноты образа не хватает только котелка, мешка долларов и бомбы за спиной).

Офис Волошина в центре Москвы, на Полянке, в десяти минутах ходьбы от Кремля, очень аскетичен, тут есть все, что нужно, но нет никакой роскоши — тайному властителю мира она не нужна.

Волошин явно не оратор — говорит тихо и даже слегка заикается, когда злится. А еще любит злоупотреблять английскими словами. Не англицизмами, а именно иностранными словами, которыми оперирует в деловой жизни. «Ситуация на Украине уже не очень manageable». «Надо, чтобы в голове всегда была agenda». «Настал полный deadlock». «Важны мнения основных stakeholders». Он делает это не нарочито — ему так проще, ведь он не политик, а бизнесмен.

Свою главную историческую миссию Волошин, наверное, считает выполненной: он обеспечил политическую стабильность и капитализм — и на покой. Он говорит, что не жалеет о своей нынешней неспособности повлиять на политику.

О политике он предпочитает говорить в сугубо деловых терминах: «Американцы создали у себя огромную, диверсифицированную, восприимчивую к инновациям экономику благодаря жесточайшей конкуренции. Такая же напряженная конкуренция видна в американской поли-

тике, в том числе внутри основных политических партий. И благодаря этому они сформировали устойчивую политическую систему, отвергающую крайности. А вот в международной политике Соединенные Штаты после исчезновения Советского Союза стали де-факто монополистами. И в отсутствие конкуренции стали самоуверенными, неэффективными, неразумными. Наделали кучу серьезнейших ошибок, нанесли огромный ущерб международной безопасности и самим себе». Впрочем, об Америке он отзывается хоть и с изрядной критикой, но все же любовно, с неожиданными деталями: там он случайно познакомился с Джейбом Бушем, а тут увидел старую знакомую Кондолизу Райс, но решил не здороваться.

Настоящую ярость у него вызывает украинский вопрос: тут он переходит с английского на русский. Политика украинских властей в отношении русскоязычного населения его возмущает: «Попробовали бы канадцы так вести себя с франкоговорящими жителями Квебека. Они бы еще не такое получили».

Похоронить Ленина

В 1999 году в Кремле был разработан четкий план по захоронению Ленина. Его тело предполагалось вынести из Мавзолея на Красной площади и увезти в Санкт-Петербург глубокой ночью, в обстановке строжайшей секретности. Утром все проснулись, а Ленина уже нет на Красной площади.

Точно так же, 38 годами ранее, поздним осенним вечером из Мавзолея вынесли тело Сталина — его, правда, далеко не увезли, а похоронили рядом, у Кремлевской стены. Для Никиты Хрущева, тогдашнего советского лидера, это было символом десталинизации и развенчания культа личности.

Перезахоронение Ленина должно было пройти «достойно и без хамства», вспоминают сотрудники кремлевской администрации. Просто после этого нужно было бы на пару месяцев взять в оцепление Волковское кладбище в Санкт-Петербурге (место, где похоронены мать и сестры Ленина и, по легенде,

завещал похоронить себя основатель Советского государства). И потерпеть несколько месяцев протестов партии коммунистов. После этого страсти улеглись бы: планировалось разобрать Мавзолей и построить на этом месте памятник жертвам тоталитаризма, чтобы никому неповадно было его сносить. Это должно было стать решающим ударом по коммунистической идеологии. На тот момент для Кремля это была важнейшая задача: не допустить советского реванша и победить коммунистов.

Кабинет главы кремлевской администрации Александра Волошина находился примерно в 10–15 метрах от саркофага Ленина в Мавзолее. Рассказывают, что Волошин любил шутить: «От меня до трупа не больше 15 метров по прямой. Он там лежит, я тут работаю. Мы друг другу не мешаем».

На самом деле Ленин очень мешал. Президенту Борису Ельцину он мешал покончить с прошлым — для него захоронение вождя стало бы символом того, что настали новые времена и случившиеся перемены необратимы, как и захоронение Сталина для Хрущева 36 лет назад. Впервые похоронить Ленина предложил еще в 1991 году первый мэр Петербурга Анатолий Собчак, но и тогда, и в последующие годы Ельцин не мог выполнить его просьбу — не хотел идти на ненужный конфликт с коммунистами.

Для Волошина же Ленин был не столько символом, сколько конкретным, всегда живым игроком в актуальной политике. Борьба с коммунистической партией была важнейшей частью каждодневных забот главного стратега Кремля. Ленин был для него козырем в рукаве, возможностью дать противнику под дых. Коммунисты стали главной силой в парламенте и поэтому имели возможность торпедировать любую критически важную реформу. А после кризиса 1998 года коммунисты фактически контролировали и правительство, которое возглавлял 69-летний Евгений Примаков, бывший кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС и бывший министр иностранных дел России.

До истечения президентского срока Бориса Ельцина, прописанного в конституции, оставалось чуть больше полутора лет — и, казалось, никогда коммунисты еще не были так сильны. Компартия запустила процедуру импичмента президента Ельцина,

обвинив его по пяти пунктам: развал СССР, разгон парламента в 1993 году, война в Чечне, развал армии и геноцид русского народа. Премьер-министр Примаков, за которого коммунисты проголосовали единогласно, занимал первое место в рейтинге самых популярных политиков страны и казался самым перспективным кандидатом в президенты.

Особую популярность принес ему яркий антиамериканский жест — разворот над Атлантикой. 24 марта 1999 года Примаков летел в Вашингтон, когда ему позвонил вице-президент Альберт Гор и сообщил, что США начинают бомбардировки Югославии с целью прекращения конфликта в Косово. Возмущенный Примаков развернул свой самолет и вернулся в Москву. Российская пресса — прокремлевская и либеральная — раскритиковала Примакова за популизм, заигрывание с коммунистическим электоратом. Первая в СССР и главная на тот момент в России деловая газета «Коммерсантъ» уверяла, что из-за демарша Примакова Россия потеряла \$15 млрд, которые могла бы заработать в результате подписания подготовленных в Вашингтоне соглашений: «Тем самым премьер-министр России сделал свой выбор — выбор настоящего коммуниста. Большевика, готового полностью пренебречь интересами своей Родины и народа в угоду интернационализму, понятному только ему и бывшим членам КПСС», — негодовал «Коммерсантъ»¹.

Разворот над Атлантикой стал первым жестом государственного антиамериканизма в 1990-е годы и показал, насколько он может быть популярен среди лишенного чувства национальной гордости населения. Он же стал и началом решающей схватки за власть: консерваторов-антизападников, знаменем которых стал Примаков, и либеральных и прозападных сил, требующих не допустить советского реванша, у которых не было лидера, но имелся тайный координатор — глава кремлевской администрации Александр Волошин.

В этой ситуации коммунистов надо было вывести из равновесия. И ритуальным сокрушительным ударом могло стать перезахоронение Ленина. Но помешало законодательство. По действующему законодательству, перенести тело Ленина можно было в одном из трех случаев. Либо по прямой воле по-